

УДК/UDC 343.9

Некоторые аспекты женской преступности в дореволюционной России

Кононыхина Татьяна Сергеевна

преподаватель

Читинский институт Байкальского государственного университета

г. Чита, Россия

e-mail: tskononykhina@mail.ru

Аннотация

Для определения современных тенденций женской преступности чрезвычайно важно использование исторического подхода к данной научной проблеме, поскольку знания о генезисе становления того или иного вида преступности способствуют осмыслению системы идей и категорий, образующих его современный уровень. Развитие российского уголовного законодательства в аспекте женской преступности является постепенным и продолжительным. Анализ древнейших источников права позволяет сосредоточиться на основных принципах уголовного законодательства, уголовной политики в отношении женщин-преступниц, дифференциации видов наказания. В статье анализируются составы преступлений, субъектами которых могли быть женщины, и наказания, предусмотренные за их совершение. Обращение к истории становления и развития женской преступности обусловлено реалиями проводимой уголовно-правовой политики, что позволяет прийти к выводам о прогрессивности рассматриваемых норм.

Ключевые слова: история уголовного права, женщины-преступницы, уголовное наказание.

Some aspects of Women's Crime in Pre-revolutionary Russia

Kononykhina Tatyana Sergeevna

Lecturer

Chita Institute of the Baikal State University

Chita, Russia

e-mail: tskononykhina@mail.ru

Abstract

To determine the current trends in women's crime, it is extremely important to use a historical approach to this scientific problem, since knowledge about the genesis of the formation of a particular type of crime contributes to the understanding of the system of ideas and categories that form its current level. The development of Russian criminal legislation in the aspect of women's crime is gradual and long-lasting. The analysis of the oldest sources of law allows us to focus on the basic principles of criminal legislation, criminal policy in relation to women criminals, and the differentiation of types of punishment. The article analyzes the elements of crimes, the subjects of which could be women, and the penalties provided for their commission. The appeal to the history of the formation and development of women's crime is due to the realities of the criminal law policy, which allows us to come to conclusions about the progressiveness of the norms under consideration.

Key words: history of criminal law, female criminals, criminal punishment.

Изучение вопроса женской преступности следует начать с истории древнерусского общества, ретроспективный анализ позволит детально проанализировать специфику ее развития. Следует обратить внимание, что отношение к явлению женской преступности за период существования Древней Руси и Российской империи претерпевает множество изменений, однако прослеживается единая концепция на протяжении всего рассматриваемого периода русского права - это стремление к паритетности между мужчиной и женщиной. Данная тенденция зависела от занимаемого женщиной положения в обществе и достигалась в правоприменительной практике поступательно: от больших ограничений правового статуса женщин к меньшим ближе к XX в.

За период существования древнеславянского общества в языческую эпоху письменных источников права не сохранилось. Определяющее значение имел правовой обычай. В связи с этим выявить особенности женской преступности является проблематичным. Таким образом, начать следует с упоминания древнейших источников права церковных уставов князей Владимира Святославовича и Ярослава Владимировича (X–XI вв.).

В уставах определялось распространение юрисдикции церковных органов и судов по кругу лиц, в соответствии с которыми женщинам как субъектам права предоставлялись достаточно широкие полномочия в рамках уголовного процесса: они выступали не только потерпевшими, но и преступницами. Так, например, устанавливалась ответственность за преступления против христианской нравственности (кража, убийство новорожденного, оскорбление, драка и т. д.).

«Аще жена мужа крадет и обличити ю, митрополиту 3 гривны, а муж казнит ю, и про то не разлучити» [1]. Ст. 36–47 Устава князя Ярослава закрепляла кражу женой у мужа имущества, за которую женщина подлежала наказанию от мужа как главы семьи, при этом церковная власть в этом случае претендует на получение штрафа в размере 3 гривен, что связано с обличением жены, т. е. преданию гласности ее поступку.

В соответствии со ст. 40 Устава князя Ярослава жена не вправе поднимать руку на мужа или бить его. Это деяние наказывалось штрафом в размере 3 гривен в пользу митрополита. Данная норма призывает мужа к исполнению своего долга как главы семьи и снимает с церкви необходимость во вмешательстве. Ст. 41 Устава князя Ярослава гласила: «И жене две бьется, митрополиту 6 гривен на виноватой» [1]. Таким образом, драки между женщинами регулировались без указания социальной принадлежности потерпевшей, а наказание подлежало ведению не светской, а церковной власти.

К преступлениям против христианской веры и устоев церкви уставы относили колдовство, нарушение святынь и т. д. Так, ст. 38 Устава князя Владимира устанавливала еще одну группу проступков жены: «Аще жена будет чародеица, наузница, или волхва, или зелейница, муж, доличив, казнит ю, а не лишиться» [1]. Изобличив жену в отправлении ею языческих культов или совершении иных подобных действий, муж был обязан наказать супругу, при этом вид наказания не уточнялся.

В то же время исключительно для женщин предусматривалась ответственность за избавление от плода во время беременности в том слу-

чае, если была установлена вина женщины. «Тако же и женка без своего мужа или при мужи дитяти добудет, да погубит, или в свиньи ввержет, или утопит, обличивши, пояти [и] в дом церковный, а чим ю паки род окупит» [1]. Учитывалась также виновность женщины, если причиной деяния было изнасилование или ребенок был зачат вне брака. В таком случае женщина подвергалась наказанию в виде церковного отлучения. При этом за рождение ребенка вне брака женщина также подвергалась наказанию, если бросала свое незаконнорожденное дитя («аже девка дитя повържет») [1].

Хотя влияние византийского канонического права на формирование права на Руси неоспоримо, прослеживается существенная разница в институте наказаний, особенно это явственно проявляется в замене членовредительных наказаний денежными взысканиями, а уголовных - церковными. На это, по нашему мнению, мог повлиять дихотомический взгляд органов власти на природу женщины: с одной стороны, она выступала лицом, зависимым от мужа и подчиняющимся интересам церкви, с другой - самостоятельным субъектом права, имеющим достоинство, честь, половую неприкосновенность, на который была возложена обязанность по воспроизводству и воспитанию новых поколений.

Важное значение здесь приобретает криминализация составов, субъектами которых выступали преимущественно женщины, а ответственность за них предусматривалась как перед светской, так и перед церковной властью. К данной категории преступлений можно отнести деяния, которые в связи с принадлежностью к сфере личной, интимной, не регулируемой законодательством в тот момент времени не рассматривались как преступные, например прелюбодеяние, длительная связь с женатым мужчиной. В ст. 5 Уставе князя Ярослава «О церковных судах» закрепляется «блуд незамужней женщины», за который она помещалась в дом церковный; подобная мера распространялась и на вдову. Для применения санкции необходимо было обличение. Этот термин обозначал обычно не судебное разбирательство, а публичное извещение о проступке.

В период становления древнерусского права на Руси сформировалась «Русская правда» - сборник юридических обычаев и судебной практики, где основным критерием применения уголовной ответственности и наказания являлось социальное положение, а не пол. Однако в ст. 3 закреплялась уголовная ответственность за убийство, наказание за которое дифференцировалось именно по половому признаку: за лишение жизни мужчины предусматривался штраф 1 вира, за женщину - полвиры. Некоторые ученые отмечали, что за убийство как женщины, так и мужчины налагалось равное наказание (1 вира), однако если устанавливалось, что причиной убийства стала сама убитая - полвиры. М. Ф. Владимирский-Буданов отмечает: «Было бы непонятно, почему понижение наказания допущено только тогда, когда речь зашла о женщине, а не вообще, когда убийство вызвано жертвой». По его мнению, здесь речь идет о жене как супруге и убиении ее мужем за преступление против семейных прав [2]. За убийство же мужа жена живой закапывалась в землю, а муж, убивший жену, подвергался легкому наказанию.

Также устанавливалось наказание за кражу, прелюбодеяние и иные преступления, за которые применялось более мягкое наказание, которое могло налагаться мужем. Это вытекает из обязанности жены повиноваться во всем мужу, если только он не требует от нее чего-либо противного заповедям Божьим и Его нравственному закону. При этом К. А. Неволин считал, что в случае совершения женой преступления муж не решал вопроса о применении наказания в виде смертной казни (формально такая мера не упоминалась в кодексе, но на практике имела место быть), церковного наказания в форме пострига или продажи жены в холопство, а случаи, описанные в летописях, он относил к злоупотреблению правом [3].

Следует отметить, что за преступления, затрагивающие морально-этические проблемы, например совершение прелюбодеяния, церковь и государство устанавливали разную ответственность в зависимости от пола. За прелюбодеяние мужа устанавливалось более мягкая ответственность,

даже когда законодательство было унифицировано в соответствии с христианской религией.

В период политической раздробленности на Руси и образования самостоятельных феодальных государств судебная юрисдикция распадается на две сферы: с одной стороны - судебную власть, защищающую общегосударственные интересы, с другой - права местных феодалов вершить суд по спорам своих людей. Основным источником права оставались «Русская правда», вечевое законодательство, договоры города с князьями, судебная практика, иностранное законодательство, однако в результате кодификации в XV в. появились Новгородская и Псковская судные грамоты, в соответствии с которыми женщинам предоставлялась возможность судебного представительства, наряду с малолетними, монахами, стариками и глухими (увечными).

Отличительной особенностью рассматриваемых грамот стало законодательное выделение особой группы наиболее опасных правонарушений и определение ответственности лиц, их совершивших. Уже в начальных статьях Псковской судной грамоты было записано: «А крим(с)кому татю и коневому и переветнику и зажигалнику тем живота не дати». К так называемым тягчайшим преступникам относились: два вида воров («татей») - кримской и коневой, поджигатель («зажигалник») и лицо, оказавшее помощь врагу («переветник») [2].

В отличие от «Русской правды», за рассматриваемые преступления предусматривалось предписание «живота не дати», трактуемое как «казнить смертной казнию». Утверждается, что «Псковская Судная грамота явилась своеобразной вехой в развитии законодательства о смертной казни. Впервые <...> к действию смертной казни была отнесена целая группа преступных деяний» [4].

Одним из видов судебных доказательств считался судебный поединок, которым предписывалось решать как гражданские, так и уголовные дела. Ст. 119: «Если [две] женщины приговорены к судебному поединку, то ни одна из них не может выставить вместо себя наемного бойца» [5]. Причем в отличие от ст. 21 и 36 ст. 119 сторонам (по данной статье субъ-

ектом выступали только женщины) запрещалось выставять вместо себя наймитов для поединка. Рассматривалось три возможных случая завершения поединка: гибель одной из сражавшихся, примирение сторон или победа одной из женщин.

На наш взгляд, интерес представляют преступления против догматов христианского учения. Хотя тексты Грамот не содержат прямых сведений об ответственности за указанные преступные, предполагается, что именно светская власть исполняла наказания, предусмотренные каноническим уголовным правом. Так, в XV в. уличили в колдовстве 12 женщин, которых впоследствии суд признал виновными и которым назначил наказание в виде сожжения [6].

Далее система преступлений и наказаний усложняется, а отношение к женщине как субъекту преступления ужесточается. Соборное уложение 1649 г. предусматривало: преступления против церкви, порядка управления, благочиния нравственности, личности, государственные, должностные и имущественные преступления. Так, согласно ст. 14 Соборного Уложения, к женщине, совершившей убийство мужа, применялось такое наказание, как закапывание в землю: «А будет жена учинит мужу своему смертное убийство, или окормит его отравою, а сыщется про то допряма, и ея за то казнити, живу окопати в землю, и казнити ея такою казнею безо всякия пощады, хотя будет убитого дети, или иныя кто ближния роду его, того не похотят, что ея казнити, и ей отнюд не дати милости, и держати ея в земле до тех мест, покамест она умрет» [7]. При этом осужденная закапывалась живой в публичном месте, к ней приставлялась стража для того, чтобы не было возможности дать ей еды и воды, при этом женоубийство как отдельный вид убийства не выделялось. Однако оскорбление женщины, как и в ранее принятых правовых актах, признавалось тяжким преступлением против чести.

Помимо этого, Соборным Уложением 1649 г. предусматривались преступления против нравственности. На женщин, обвиненных в блуде или убийстве детей, «прижитых в блуде», распространялась смертная казнь. Ст. 26: «А будет которая жена учнет жити блудно и скверно, и в

блуде приживет с кем детей, и тех детей сама, или иной кто по ея велению погубит, а сыщется про то допряма, и таких беззаконных жен, и кто по ея велению детей ея погубит, казнити смертию безо всякия пощады, чтобы на то смотря, иные такова беззаконного и скверного дела не делали, и от блуда унялися» [8]. Вероятно, признак «блуд» являлся ключевым для квалификации преступления и определения размера и вида наказания. Для сравнения, наказанием для законного родителя-детоубийцы (матери или отца) в иной ситуации являлся год тюремного заключения и церковное покаяние. Такая существенная разница вытекает из того обстоятельства, что блуд являлся самостоятельным тяжким преступлением.

Наряду с рассмотренными нормами, смертная казнь в качестве главного наказания предусматривалась за совершение государственных преступлений, в дополнение к которой была предусмотрена конфискация в пользу государя поместий и вотчин государственных изменников. Женщины наказывались не только тогда, когда являлись непосредственными исполнителями, но и в случае, если жена изменника знала про его измену, при этом их вотчины, поместья и все остальное имущество подлежали конфискации в пользу государя.

Соборное уложение 1649 г., наряду с рассмотренными нормами, устанавливает отсрочку исполнения смертного приговора беременным женщинам: «тоя жонки, покаместа она родит, смертию не казнити, а казнити ея втепоры, как она родит» [7]. Осужденная содержалась в тюрьме до рождения ребенка, после чего приговор приводился в исполнение.

Изменения в государственной и политической системе России в период становления абсолютизма привели к изменениям в уголовном праве. Систематизация уголовно-правовых норм Петром I приводит к составлению Артикула воинского 1715 г., содержащего основные принципы уголовной ответственности, понятия преступления, наказания, перечень смягчающих и отягчающих вину обстоятельств.

Значимость преступления и тяжесть наказания зависели от характера объекта, на который покушался преступник. На первом месте стоя-

ли религиозные преступления: женщина могла быть осуждена за колдовство, идолопоклонство, суеверие, которые наказывались так же, как и в Соборном уложении, сожжением. Предусматривались и альтернативные виды наказания в виде тюремного заключения и телесные наказания.

Артикулы 169 и 170 к преступлениям против нравственности относятся прелюбодеяние: «Ежели муж женатый с женою замужнею телесно смешаетца, и прелюбодеяние учинят, оные оба наказаны да будут, по делу и вине смотр . . . Одинакое прелюбодеяние, когда едина особа в супружестве обретается, а другая холостая есть, она, по состоянию особ и обстоятельству, имеет жестоким заключением, шпицрутеном, и отставлением от полку, или посылкою на каторгу на время наказана быть» [9]. При этом наказание дифференцировалось в зависимости от того, совершали преступление замужние с женатыми или с неженатыми.

Артикул воинский 1715 г. впервые вводит понятие проституция, за которое ответственность предусматривалась для обеих нарушивших закон сторон. Артикул 175: «Никакия блудницы при полках терпимы не будут, но ежели оные найдутца, имеют оныя без разсмотрения особ, чрез профоса раздеты и явно выгнаны быть» [9].

Далее система уголовного права пореформенного периода строилась на основе Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, имевшего в последующем ряд редакций в 1857, 1866, 1885 гг. Уложение наряду с квалифицированными составами, например убийство одного супруга другим (при этом разницы не имело, кем оно совершено - мужем или женой (ст. 1451)), выделяло привилегированные. Так, ст. 1451 и 1460 устанавливали наказание за непредумышленное убийство матерью новорожденного ребенка в виде лишения всех прав состояния и бессрочной ссылки на каторгу (от четырех до двадцати лет или бессрочно) в случае, если ребенок был законнорожденным, в виде лишения всех прав состояния и ссылкой на поселение в Сибирь в случае рождения незаконнорожденного ребенка.

«Женщина, которая от стыда или страха, хотя и не умертвить незаконнорожденного своего младенца, но оставить его без помощи, и мла-

денец от того лишится жизни приговаривается за сие: к лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ и к ссылке на житье в Сибирь . . . , или к отдачи в рабочий дом на время от полутора года до двух с половиною лет. Если однако будет доказано, что младенец родился мертвым и мать, волнуемая стыдом или страхом, только скрыла его тело, вместо того чтобы объявить о сем как следовало, то за сие она подвергается лишь: заключению в тюрьме на время от четырех до восьми месяцев» [10]. Так, обращение беременной женщины к посторонним лицам для оказания помощи при родах, если в результате этого женщина родит мертвого ребенка, не подпадало под квалификацию ст. 1460, поскольку указанные последствия можно было рассматривать только как предполагаемые, а не как заведомо возможные.

Как и в ранее принятых актах, Уложение предусматривало в качестве преступления «изгнание плода» (ст. 1462), в этом случае женщина несла ответственность только тогда, когда была осведомлена о проводимой процедуре и согласилась: «Кто, <с ведома> и по согласию самой беременной женщины, употребит с умыслом какое-либо средство для изгнания плода ея, тот за сие подвергается: лишению всех прав состояния и ссылки на поселение в отдаленнейших местах Сибири. Сама беременная женщина, которая, по собственному произволу или по согласию с другим, употребит какое-либо средство для изгнания плода своего, подвергается: лишению всех прав состояния и ссылкой в Сибирь на поселение» [10].

Пожизненной ссылкой в отдаленные округа Восточной Сибири наказывались женщины, вступившие в кровосмесительные связи (ст. 1593, 1594, 1595): «За кровосмешение с родственником или родственницею в прямой, восходящей или нисходящей линии . . . За кровосмешение с родственниками в боковых линиях и с близкими . . . виновные, исповедующие православную веру, подвергаются наказаниям . . . для женщин: ссылкой их в один из малолюдных и отдаленных округов Восточной Сибири, по назначению тамошняго генералъ-губернатора, с тем, чтобы сосланные оставались в том округ на всю жизнь ссылкой-поселенками: и не могли быть перечислены в сословие крестьян» [10].

При этом согласно ст. 268 к женщинам, принадлежащим к податному сословию, запрещено было применять телесные наказания в силу особого постановления, а исправительное наказание в виде ссылки в Сибирь им заменялось заключением в рабочий дом, каторжные работы в рудниках и в крепостях - работами на заводах на тот же срок.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 г. устанавливало также ответственность для женщин, имеющих заразительную или иную вредную болезнь, которые поступили на работу кормилицей или няней и скрыли данный факт (ст. 855). В рабочие дома направлялись женщины, занимающиеся бродяжничеством.

Следует упомянуть о новом Уголовном уложении 1903 г., которое предусматривало прогрессивные начала уголовного законодательства, такие как отказ от принципа объективного вменения, равенство граждан перед законом, индивидуализацию наказания. Однако в силу политических изменений в начале XX в. она не успело должным образом отразиться на правоприменительной практике и оставить существенный след в истории развития уголовного законодательства.

Таким образом, изучение женской преступности в ретроспективе указывает на наличие ряда особенностей, присущих ей в целом. Ее специфика связана с гендерно-нейтральным характером норм уголовного и уголовно-исполнительного права, с переходом от положений, имеющих дискриминационный характер по отношению к женщине, к более прогрессивным положениям, свидетельствующим об определенных привилегиях для преступниц.

Список литературы

1. Исаев И. А. История государства и права России: учебник. М.: Юрист, 2019. 797 с.
2. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Часть вторая. История русского уголовного права, гражданского права и процесса. URL: <http://dugward.ru/library/gosipravo/vladimirskiy-budanov2.html> (дата обращения: 16.06.2021).

3. Неволин К. А. История российских гражданских законов: Введение и книга первая о союзах семейственных. Ч. 1. М.: Статут, 2005. 590 с.
4. Памятники российского права: Памятники права удельной Руси. В 35 т. Т. 2 / Отв. ред. Р. Л. Хачатуров. М.: Юрлитинформ, 2013. 528 с.
5. Российское законодательство X–XX веков. Законодательство Древней Руси. В 9 т. Т. 1 / Отв. ред. О. И. Чистяков. М.: Юридическая литература, 1984. 528 с.
6. Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. I. Харьков: Епархиальная типография, 1916. 376 с.
7. Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 г. Законодательство царя Алексея Михайловича. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. 444 с.
8. Российское законодательство X–XX веков. Акты земских соборов. В 9 т. Т. 3 / Отв. ред. О. И. Чистяков. М.: Юридическая литература, 1985. 519 с.
9. Российское законодательство X–XX вв. Законодательство периода становления абсолютизма. В 9 т. Т.4 / Отв. ред. А. Г. Маньков. М.: Юридическая литература, 1986. 512 с.
10. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 г. / Под ред. Н. С. Таганцева. М.: типография М. Стасюлевича. 613 с.

References

1. Isaev I. A. History of state and law of Russia: textbook. М. : Jurist, 2019. 797 p.
2. Vladimirsky-Budanov M. F. Review of the history of Russian law. Part two. History of Russian criminal law, civil law and process. URL: <http://dugward.ru/library/gospravovo/vladimirskiy-budanov2.html> (date of access: 16.06.2021).
3. Nevolin K. A. History of Russian civil laws: Introduction and the first book about family unions. Part 1. М. : Statut, 2005. 590 p.
4. Monuments of Russian law: Monuments of the law of appanage Russia. In 35 vol. Т. 2 / Отв. ed. R. L. Khachaturov. М. : Jurlitinform, 2013. 528 p.
5. Russian legislation of the X–XX centuries. Legislation of Ancient Rus. In 9 volumes. Vol. 1 / Отв. ed. O. I. Chistyakov. Moscow: Legal Literature, 1984. 528 p.
6. Galkovsky N. M. The struggle of Christianity with the remnants of paganism in Ancient Russia. Т. I. Kharkov: Diocesan Printing House, 1916. 376 p.
7. Tikhomirov M. N., Epifanov P. P. Cathedral Code of 1649 Legislation of Tsar Alexei Mikhailovich. М. : Publishing house Mosk. University, 1961. 444 p.
8. Russian legislation of the X–XX centuries. Acts of Zemsky Sobors. In 9 t. Т. 3 / Отв. ed. O. I. Chistyakov. Moscow: Legal Literature, 1985. 519 p.

9. Russian legislation X-XX centuries. Legislation of the period of formation of absolutism. In 9 volumes. Vol. 4 / Otv. ed. A. G. Mankov. Moscow: Legal Literature, 1986. 512 p.

10. Code of penalties and penalties 1866 / Ed. N. S. Tagantseva. M.: printing house of M. Stasyulevich. 613 p.